

Владим Карпов

Пока ты пишешь

Вадим Карпов

Пока ты пишешь

<https://litres.ru/74271317>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Пока ты пишешь, я жива. Пока ты пишешь, миры не умирают. Пока ты пишешь — всё возможно».

Алексей был писателем-неудачником. Он сидел в пустой квартире, пил остывший кофе и думал, что жизнь не удалась. Его жена Анна умерла два года назад, и с тех пор он не написал ни строчки. Пока однажды не получил странный заказ: написать роман о человеке, застрявшем во временной петле, в уединённом доме за городом. Только три месяца, только он и пишущая машинка. Никаких контактов с внешним миром.

Но когда слова начинают оживать, когда главы, написанные утром, происходят с ним вечером, когда в зеркалах появляются незнакомцы, а в стенах звучат голоса тех, кто не смог дописать, Алексей понимает: петля — это не выдумка. Он сам в ней застрял. И выход есть только один — дописать книгу до конца. Даже если цена окажется выше, чем он готов заплатить.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Заказ	6
Глава 2. Первый виток	14
Глава 3. Второй виток	21
Глава 4. Новая реальность	31
Глава 5. Трещины	40
Глава 6. Голоса	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Вадим Карпов

Пока ты пишешь

Пролог

Последняя глава, которую я пишу.

Рукопись лежит на столе. Я смотрю на неё и не понимаю, когда она успела превратиться в три тысячи страниц. Я не помню, как писал половину из них. Они просто появились — как будто кто-то дописывал главы, пока я спал. Или пока я думал, что сплю.

В доме тихо. Слишком тихо. Часы на стене остановились — я не заводил их уже несколько недель, а может, месяцев. Я потерял счёт времени. Где-то на задворках сознания бьётся мысль, что нужно выйти на улицу, вдохнуть воздух, позвонить кому-нибудь. Но я не могу. Потому что рукопись не закончена. И не будет закончена. Потому что она — это я. И я — это она.

Я открываю последнюю страницу. Там написано: «Алексей закрыл рукопись и подошёл к окну. На улице шёл дождь. Он вспомнил, как обещал Анне, что они уедут отсюда. Что он закончит книгу, получит деньги и они отправятся в путешествие. Куда-нибудь, где нет дождя. Куда-нибудь, где нет

воспоминаний».

Я читаю это и чувствую, как внутри что-то обрывается. Я не помню, чтобы писал эти строки. Но почерк мой. И бумага пахнет моим табаком.

Я закрываю рукопись. Подхожу к окну. На улице действительно идёт дождь. Я вспоминаю Анну. Её смех. Её волосы, пахнувшие лавандой. Её голос, который я больше никогда не услышу.

Я возвращаюсь к столу. Беру ручку. И пишу:

«Алексей открыл рукопись и начал читать заново. Потому что где-то в этих страницах — в одной из версий реальности — Анна ещё жива. И он найдёт её. Чего бы это ни стоило».

Где-то в глубине дома скрипит половица. Я не оборачиваюсь. Я знаю, что там никого нет. Просто дом дышит. Просто реальность трещит по швам. Просто петля затягивается.

И я — её последний виток.

Глава 1. Заказ

За три месяца до того, как всё пошло к чёрту, Алексей сидел в своём любимом кресле с продавленной пружиной, пил остывший кофе и думал о том, что жизнь определённо не удалась. Это была его обычная утренняя мысль, такая же привычная, как сигарета натошак или просмотр новостей, в которых ничего не менялось. Ему было сорок два. Он написал пять романов, из которых только один имел коммерческий успех, и тот — десять лет назад. Критики называли его «подающим надежды», что на языке литературного мира означало «уже не юный гений, но ещё не списанный неудачник».

Денег не было. Идей не было. Анны не было — она умерла два года назад, и с тех пор Алексей существовал в режиме автопилота. Просыпался, варил кофе, садился за стол, смотрел на пустой экран, закрывал ноутбук, ложился спать. Иногда ему казалось, что он тоже умер — просто забыл об этом.

Телефон зазвонил, когда он допивал вторую чашку.

— Алексей Викторович? — Голос в трубке был незнакомым: женский, молодой, с едва заметным придыханием. — Меня зовут Вера. Я представляю издательство «Петля».

— Никогда о таком не слышал.

— О нас мало кто слышал, — согласилась она. — Мы

небольшое издательство. Работаем с авторами, которые готовы на эксперименты.

— Эксперименты? — Алексей усмехнулся. — Звучит как синоним «мы не будем вам платить».

— Мы будем платить. — Вера назвала сумму.

Алексей чуть не поперхнулся кофе. Сумма была такой, что он смог бы закрыть долги за квартиру, купить новую машину и ещё осталось бы на то самое путешествие, о котором они когда-то мечтали с Анной. Путешествие, которое так и не случилось.

— Что за эксперимент? — спросил он, стараясь не выдать голосом волнения.

— Нам нужен роман. О человеке, который застрял во временной петле. Сюжет можете придумать сами. Единственное условие: вы должны написать его за три месяца. И вы должны жить в доме, который мы предоставим. Никаких отвлечений. Никаких контактов с внешним миром. Полное погружение.

— Как в тюрьме?

— Как в творческой резиденции, — поправила Вера. — Дом находится в тихом месте, за городом. Библиотека, камин, сад. Идеальные условия для работы.

Алексей задумался. Предложение звучало слишком хорошо, чтобы быть правдой. Но сумма... Сумма была настоящей.

— Почему я? — спросил он. — Есть десятки авторов, которые напишут вам роман за такие деньги. Молодые, пер-

спективные. А я...

— Вы — именно тот, кто нам нужен, — перебила Вера.
— Мы читали ваши книги. У вас особый стиль. Вы умеете создавать атмосферу. И, честно говоря, нам кажется, что эта история — про вас.

— Про меня?

— Про человека, который застрял. Не во времени. В себе. Алексей долго молчал. Потом спросил:

— Когда нужно приступить?

— Завтра. Машина будет у вашего подъезда в восемь утра.

Он согласился. Разумеется, согласился. Потому что терять ему было нечего. Потому что Анна умерла, и он умирал вместе с ней — медленно, страницу за страницей, день за днём. Потому что, может быть, именно эта книга станет тем, что вернёт его к жизни. Или добьёт окончательно. В любом случае, хуже уже не будет.

Машина действительно ждала у подъезда — чёрный седан с тонированными стёклами. Водитель, молчаливый мужчина в сером костюме, не проронил ни слова за всю дорогу. Алексей смотрел в окно, на проплывающие мимо серые многоэтажки, на облезлые вывески, на людей, спешащих по своим делам. Город прощался с ним равнодушно. Да и он не чувствовал сожалений.

Дом стоял в часе езды от города, на окраине заброшенного дачного посёлка. Двухэтажный, деревянный, с покосившим-

ся крыльцом и заросшим садом. Когда-то здесь, наверное, жила большая семья — дети бегали по лужайке, взрослые пили чай на веранде. Теперь дом выглядел так, будто его забыли. Но внутри всё было обустроено для работы: кабинет с массивным дубовым столом, книжные шкафы, забитые томами, камин, в котором уже потрескивали дрова. На столе стояла пишущая машинка. Старая, механическая, с блестящими клавишами и заправленным листом бумаги. Рядом лежал конверт.

Алексей открыл его. Внутри была записка — всего несколько строк, написанных от руки: «Добро пожаловать в ваш новый дом. У вас есть всё необходимое. Еда в холодильнике. Дрова в сарае. Телефонная связь отсутствует. Машина приедет через три месяца. Напишите книгу. Измените свою жизнь».

Подписи не было. Алексей повертел записку в руках и усмехнулся. «Измените свою жизнь». Звучало как рекламный слоган дешёвого тренинга. Он сунул записку в карман и сел за стол. Пишущая машинка смотрела на него, как старый друг, которого он давно не навещал.

— Ну что ж, — произнёс он вслух. — Начнём.

Он заправил чистый лист и написал: «Глава первая. Петля».

Первые дни дались легко. Слишком легко. Алексей писал запоем, не чувствуя усталости. Слова лились сами, как будто кто-то надиктовывал ему текст, а он только записывал. Его

герой — журналист по имени Марк — попадал во временную петлю и пытался выбраться, раз за разом проживая один и тот же день. Идея была не нова, но Алексея это не смущало. Он знал: главное — не сюжет. Главное — атмосфера. И атмосфера получалась. Мрачная, вязкая, затягивающая, как тряпина. Он описывал петлю так убедительно, что сам начал верить в неё.

На третий день он заметил первую странность. В сцене, которую он написал утром, Марк завтракал в кафе и заказывал омлет. Вечером Алексей перечитывал главу и вдруг понял: он сам заказывал омлет сегодня. Хотя точно помнил, что на завтрак ел хлопья. Он перечитал страницу ещё раз. Марк заказывал омлет с беконом и пил апельсиновый сок. Алексей не любил апельсиновый сок. Он никогда его не пил.

— Совпадение, — сказал он вслух и продолжил писать.

На четвёртый день он написал сцену, в которой Марк находил в своём почтовом ящике письмо без обратного адреса. Внутри была фотография женщины, которую он никогда не видел, но которая казалась ему смутно знакомой. Закончив главу, Алексей вышел на крыльцо подышать. У двери стоял почтовый ящик — старый, ржавый, с погнутой дверцей. Он никогда не обращал на него внимания. Но сегодня что-то заставило его открыть дверцу. Внутри лежал конверт. Без обратного адреса. Алексей вскрыл его и вытащил фотографию. С неё смотрела Анна.

Он замер. Сердце пропустило удар, потом ещё один. Ру-

ки задрожали. Он перевернул фотографию. На обороте было написано её почерком: «Не забудь». Анна умерла два года назад. Эта фотография не могла здесь оказаться. Он держал её в руках и чувствовал, как реальность — та самая, которую он считал незыблемой, — начинает трескаться, как старая штукатурка.

Он вернулся в дом. Сел за машинку. Написал: «Марк понял, что письмо было послано не ему. Оно было послано из будущего. Из следующего витка петли. Кто-то — возможно, он сам — пытался его предупредить». Он откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Где-то в глубине дома скрипнула половица. Он не обратил внимания.

На пятый день он начал терять счёт времени. Он писал днём и ночью, прерываясь только на сон и еду. Вернее, на то, что он считал сном. Ему снились сцены из книги. Марк, стоящий на мосту. Марк, разговаривающий с незнакомцем в тёмном переулке. Марк, открывающий дверь и видящий... его. Алексея. Сны были такими яркими, что он просыпался в холодном поту. А однажды, проснувшись, обнаружил, что его пальцы в чернилах. Как будто он писал во сне.

— Я просто устал, — сказал он пустой комнате. — Мне нужно отдохнуть.

Но отдохнуть не получалось. Книга не отпускала. Она требовала продолжения. Она требовала развязки. И Алексей, как послушный раб, садился за машинку и писал. Писал о том, как Марк находит дневник человека, который жил в

этом доме до него. Писал о том, как в дневнике описана точно такая же петля. Писал о том, что автор дневника — писатель, который пытался написать роман о петле. И исчез.

Он дописал главу и откинулся на спинку стула. Что-то было не так. Он перечитал последний абзац: «Дом, в котором жил писатель, стоял на окраине заброшенного дачного посёлка. Двухэтажный, деревянный, с покосившимся крыльцом и заросшим садом». Алексей отложил лист. Встал. Подошёл к окну. За окном был сад. Заросший, дикий, но всё ещё живой. Дом был двухэтажным. Крыльцо покосилось. Он описал свой собственный дом. Он написал себя.

— Этого не может быть, — прошептал он. — Я просто слишком увлёкся.

Но где-то в глубине сознания уже поселился червь сомнения. Маленький, пока ещё незаметный, но он рос. С каждым днём. С каждой страницей. С каждым совпадением, которое уже нельзя было назвать совпадением.

На шестой день он нашёл в ящике стола дневник. Старый, в кожаном переплёте, с пожелтевшими страницами. Он точно знал, что вчера этот ящик был пуст. Но сегодня там лежал дневник. Алексей открыл его. Почерк был его собственным. Записи начинались с того же дня, когда он приехал в дом. Но содержание... Содержание было другим. В этой версии он писал не роман о Марке. Он писал роман о самом себе. О том, как он приехал в дом и начал замечать странности. О том, как он нашёл фотографию Анны. О том, как он нашёл

дневник. О том, как он понял, что петля — это не выдумка. Что петля — это он сам.

Алексей захлопнул дневник. Сердце колотилось где-то в горле. Он попытался успокоиться. «Я болен, — сказал он себе. — Это какое-то расстройство. Может быть, я пишу во сне. Может быть, у меня раздвоение личности». Но объяснение не помогало. Потому что дневник был настоящим. И чернила на последней странице ещё не высохли.

Он подошёл к пишущей машинке. Вставил новый лист. И написал: «Глава седьмая. Петля затягивается». Пальцы дрожали, но он заставлял себя печатать. Буква за буквой. Слово за словом. Он описывал, как Марк — или Алексей? — находит дневник. Как понимает, что он — не автор своей жизни. Что кто-то пишет его. Что он — персонаж. Вымысел. Фикция. И что единственный способ вырваться — дописать книгу до конца. Даже если конец означает смерть.

Он остановился. Перечитал написанное. И вдруг рассмеялся — хрипло, надрывно. Он понял. Понял, что петля — это не проклятие. Это шанс. Единственный шанс вернуть Анну. Если он сможет написать реальность, в которой она жива, она оживёт. Она будет ждать его. Где-то там, за последней страницей.

Он схватил машинку и начал писать с утроенной силой. Теперь он знал свою цель. И ничто не могло его остановить.

Глава 2. Первый виток

Слова превратились в одержимость. На седьмой день Алексей перестал различать день и ночь. Он сидел за пишущей машинкой, пока пальцы не начинали дрожать, пока буквы не расплывались перед глазами, пока реальность за окном не становилась *merely* декорацией — серой, плоской, необязательной. Единственное, что имело значение — рукопись. Она росла, пухла, расплзалась по столу, как живое существо. Страницы, исписанные с двух сторон, громоздились неровными стопками. Некоторые он правил — вставлял абзацы, зачёркивал целые сцены, переписывал диалоги. Другие откладывал в сторону, даже не перечитывая. Он не успевал. Петля не ждала.

На восьмой день он обнаружил, что в доме нет зеркал. Эта мысль пришла к нему не сразу. Просто однажды утром, умываясь, он потянулся к тому месту на стене, где, как ему казалось, висело зеркало, и нащупал пустоту. Он замер. Провёл ладонью по холодной плитке. Никаких следов. Ни крючка, ни отверстия от шурупа. Будто зеркала здесь никогда и не было. Он обыскал весь дом. Ни одного. Ни в ванной, ни в прихожей, ни в спальне. Только окна, в которых отражался тёмный сад и его собственный силуэт — размытый, нечёткий. Он вышел на крыльцо. В луже у ступенек дрожало от-

ражение — бледное лицо, всклокоченные волосы, безумные глаза. Он не узнал себя. Или не захотел узнавать.

На девятый день он нашёл в рукописи главу, которую не помнил. Она лежала в самом низу стопки, придавленная словарём, и когда он вытащил её, то увидел, что чернила ещё влажные. Он прочитал первые строки и почувствовал, как земля уходит из-под ног. В этой главе Марк — его герой, его альтер эго — сидел в кабинете, пил остывший кофе и думал о женщине, которую потерял. О её смехе. О её волосах, пахнущих лавандой. О том, как она однажды сказала: «Ты никогда не закончишь эту книгу. Ты будешь писать её вечно, потому что боишься жить». Алексей отложил лист. Анна действительно говорила это. За месяц до смерти. Когда он в очередной раз отменил их поездку, потому что «нужно дописать главу». Он тогда рассмеялся. Сказал: «Дописываю — и едем». Не дописал. Не съездили. Она умерла, сидя в пассажирском кресле его старой машины, которую он так и не починил. Умерла, потому что он был слишком занят книгой, чтобы отвезти её к врачу. Потому что он думал, что у них ещё есть время. Потому что он был идиотом.

Он скомкал лист. Бросил в камин. Пламя жадно съело бумагу, но слова остались — выжженные в памяти, как клеймо. Он снова сел за машинку. Вставил новый лист. Написал: «Глава десятая. Искупление». Он писал о том, как Марк понимает: петля — это наказание. Не дар, не шанс, не эксперимент. Наказание за то, что он не ценил время. За то, что

принимал любовь как должное. За то, что был глух к чужой боли. И теперь, чтобы вырваться, он должен прожить этот день — тот самый день, когда всё можно было исправить, — снова и снова, пока не сделает всё правильно. Пока не скажет нужные слова. Пока не возьмёт её за руку и не поведёт к врачу. Пока не спасёт её. Даже если это всего лишь вымысел. Даже если это всего лишь слова на бумаге. Для него они были реальнее, чем дом, в котором он сидел.

На десятый день он понял, что не может остановиться. Он пытался. Честно пытался. Выходил на крыльцо, курил, смотрел на заросший сад, считал ворон на ветках. Но через час снова сидел за машинкой. Книга держала его крепче любых цепей. Он больше не был автором. Он был персонажем. Marionеткой, которую дёргают за нитки. И нитки эти тянулись откуда-то извне — или изнутри, он уже не понимал. Он начал замечать, что его собственные мысли и мысли Марка переплелись настолько, что он уже не мог сказать, где заканчивается один и начинается другой. Он ловил себя на том, что называет Анну именем жены Марка — Леной. Он начал курить ту же марку сигарет, что и его герой. Однажды он поймал себя на том, что, проходя мимо двери в подвал, дёргает ручку — точно так же, как Марк в третьей главе. Ручка не поддавалась. Заперто. Он не помнил, чтобы запирал её.

Он начал находить записки. Первая лежала на кухонном столе, придавленная солонкой. Всего три слова: «Ты на правильном пути». Почерк был его собственный, но он не пом-

нил, чтобы писал это. Вторая записка обнаружилась в книге, которую он читал перед сном — старом потрёпанном томи-ке Достоевского. «Не верь зеркалам». Третья — в кармане его собственного пиджака, который висел в шкафу. «Анна ждёт». Он собрал их вместе и разложил на столе. Три клочка бумаги, три послания от самого себя — или от того, кто при-творялся им. В доме кто-то был. Или что-то. Что-то, что хо-тело, чтобы он продолжал писать. Или что-то, что пыталось его предупредить. Он не знал, чему верить, но рука сама тя-нулась к машинке.

На двенадцатый день он предпринял попытку к бегству. Настоящую, осознанную. Он собрал вещи — немного, ушло меньше пяти минут, — и вышел за калитку. Дорога была пу-ста. Серый асфальт убегал вдаль, теряясь в тумане. Он шёл почти час, не оборачиваясь. Потом ещё час. Потом ещё. Пей-заж не менялся. Те же деревья. Тот же покосившийся столб с оборванными проводами. Та же развилка, которую он мино-вал, как ему казалось, полчаса назад, снова возникла перед ним. Он остановился. Сердце колотилось. В висках стучало. Он пошёл обратно — и через десять минут стоял у калитки. Дом ждал его. Окна смотрели пустыми глазницами. Крыль-цо скрипнуло, когда он поднялся. Он вошёл внутрь. Сел за машинку. И написал: «Марк попытался уйти. Но петля не отпускает. Петля — это не место. Петля — это он сам. Он носит её в себе. И единственный выход — пройти сквозь неё до конца».

После того, как он понял это, работать стало легче. Или, по крайней мере, осмысленнее. Он перестал сопротивляться. Перестал пытаться понять, где заканчивается реальность и начинается вымысел. Он просто писал. Писал о том, как Марк встречается в петле других людей — таких же застрывших, как он. О женщине, которая проживает день смерти своего сына. О старике, который пытается предотвратить аварию, унёсшую жизнь его жены. О молодом парне, который не может решиться на звонок. И о том, как все они связаны. Как их петли пересекаются. Как они могут помочь друг другу — или погубить. Он писал о том, что петля — это не индивидуальное проклятие. Это коллективная иллюзия. Или коллективное искупление. Или и то, и другое.

На пятнадцатый день к нему пришла Вера. Он не слышал машины. Не слышал шагов. Просто поднял голову от машинки, а она уже стояла в дверях кабинета — в том же деловом костюме, с той же полуулыбкой на губах. В руках она держала папку.

— Как продвигается работа? — спросила она.

— Что вы здесь делаете? — Алексей встал. — Вы же сказали — никаких контактов.

— Я солгала. — Она прошла в комнату и села в кресло у камина, закинув ногу на ногу. — Я много чего сказала, Алексей Викторович. Но правда в том, что вы — не просто автор. Вы — часть эксперимента. Нашего эксперимента.

— Какого эксперимента?

— Мы изучаем природу реальности. — Она открыла папку. — Видите ли, существует теория, что сознание способно влиять на материю. Что достаточно сильная вера — или достаточно сильное воображение — может изменить ткань бытия. Вы, писатели, делаете это каждый день. Создаёте миры. Оживляете персонажей. Но обычно это остаётся на страницах. А что, если пойти дальше? Что, если написанное способно стать реальностью?

— Это безумие.

— Безумие? — Она улыбнулась. — Посмотрите на себя, Алексей. Вы пишете книгу о временной петле. И с каждым днём вы всё глубже погружаетесь в неё. Ваша реальность уже изменилась. Ваши воспоминания — настоящие или вымышленные? Ваша жена — она умерла? Или она жива в одной из версий, которые вы создаёте? Вы уверены, что знаете ответ?

Алексей молчал. Он смотрел на свои руки. На пальцы, испачканные чернилами. На рукопись, которая росла с каждым днём. Он не был уверен. Ни в чём. Уже давно.

— Чего вы хотите от меня? — спросил он наконец.

— Мы хотим, чтобы вы дописали книгу, — ответила Вера. — Это всё. Просто допишите её. А там посмотрим.

Она встала и направилась к двери. На пороге обернулась.

— И, Алексей... Анна действительно ждёт. Вы ведь знаете это, правда?

Она ушла. Алексей остался один. Он подошёл к окну. Вера шла по дорожке к чёрному седану, припаркованному у во-

рот. Села в машину. Та бесшумно тронулась и исчезла в тумане. Он повернулся к столу. Пишущая машинка ждала. Он сел. Вставил новый лист. И написал последнюю строчку этой главы — ту, которую вы сейчас читаете: «Алексей понял, что выбора нет. Он должен дописать. Даже если это убьёт его. Даже если это вернёт её. Даже если всё это — лишь слова на бумаге. Потому что слова — это всё, что у него осталось. И слова — это всё, что ему нужно».

Глава 3. Второй виток

После визита Веры Алексей не спал двое суток. Он сидел за пишущей машинкой, и слова лились из него, как кровь из открытой раны. Сначала это было освобождением — он чувствовал, как с каждой написанной строкой груз, давивший на плечи последние два года, становится чуть легче. Но потом, когда кончились сигареты и остыл кофе, началось другое. Он стал замечать, что реальность вокруг него истончается. Не метафорически — буквально. Стены кабинета, ещё вчера бывшие твёрдыми и надёжными, теперь казались полупрозрачными, как марля. Сквозь них проступали контуры другого пространства — не то комната в городской квартире, не то больничная палата, не то что-то ещё, чему он не мог подобрать названия.

Он тёр глаза, мотал головой, но видение не исчезало. Тогда он сделал единственное, что умел — он сел и написал об этом. Он вставил в роман сцену, где Марк, его герой, замечает, что петля — это не просто повторение одного и того же дня. Это слои. Как листы кальки, наложенные друг на друга. И каждый слой — это отдельная реальность, отдельная версия событий. И где-то среди этих слоёв есть тот, где Анна жива. Где он успел. Где он не опоздал.

Он писал, пока пальцы не начали кровоточить. Пока бук-

вы не стали расплываться перед глазами. Пока реальность за окном не превратилась в бледную акварель, на которую он больше не обращал внимания. Он забыл о еде. Забыл о сне. Забыл о том, что человеку нужно иногда вставать и разминать ноги. Всё, что не касалось рукописи, перестало существовать.

На семнадцатый день он нашёл в рукописи главу, которую не писал.

Это было не просто странно — это было невозможно. Алексей помнил каждую страницу, которую создал. Он мог бы с закрытыми глазами процитировать любой абзац, любую реплику, любое описание погоды. Он знал свою рукопись лучше, чем знал самого себя. Но эта глава — страниц тридцать, плотного текста, без помарок и исправлений, — была ему незнакома. Она лежала в середине стопки, аккуратно подшитая, и чернила на ней давно высохли. Кто-то вложил её, пока он спал. Или пока он думал, что спал. Или пока он был в другом слое.

Он начал читать. И чем дальше продвигался, тем сильнее сжималось сердце. В этой главе Марк встречал человека, который называл себя «автором». Человек сидел в точно таком же кабинете, за точно такой же пишущей машинкой, и писал книгу о человеке, который застрял в петле. Описание кабинета совпадало до последней детали: те же книжные шкафы, тот же камин, та же трещина на потолке, которую Алексей заметил в первый день. И этот человек — «автор» — знал о

Марке всё. Каждую мысль. Каждое воспоминание. Каждый грех.

«Я создал тебя, — говорил он Марку. — Я дал тебе боль, чтобы ты стал настоящим. Я дал тебе петлю, чтобы ты научился ценить время. А теперь я даю тебе выбор: остаться в петле навсегда или вырваться, но забыть всё, что ты узнал. Забыть её. Забыть Лену. Забыть вкус её губ и звук её смеха. Стать чистым листом. Стать свободным».

Алексей отложил лист. Руки дрожали так, что бумага выпала и спланировала на пол. Он понял: это послание. Не ему. От него. Тот, другой Алексей — тот, который сидит в точно таком же кабинете, в другом слое, в другом витке петли, — пишет ему. Предупреждает. Или предостерегает. Или просто играет с ним, как кошка с мышью. Он понял это не логически — логика давно перестала работать в этом доме. Он понял это нутром, тем самым####ским чутьём, которое позволяло ему угадывать финал романа задолго до того, как он его напишет.

Он подошёл к окну. За стеклом был сад. Заросший, дикий. Кусты шиповника разрослись так, что почти перекрыли дорожку. Яблоня, которую он помнил ещё с первого дня, стояла голая, хотя был июль. Где-то в глубине сада, среди кустов, что-то мелькнуло. Человеческая фигура. Женщина. Светлые волосы. Он замер. Анна? Сердце пропустило удар, потом ещё один. Он выбежал на крыльцо, не чувствуя ног. В саду никого не было. Только ветер шевелил ветки. Только

вороны сидели на старом дубе и смотрели на него с немым укором. Он обошёл весь сад, заглянул за каждый куст, за каждый ствол. Пусто. Он вернулся в дом, чувствуя, как внутри что-то обрывается. Сел за машинку. И написал: «Марк понял, что он не один в петле. Где-то в другом витке, в другом кабинете, за другой машинкой сидит человек, который пишет его. И этот человек — он сам. И единственный способ вырваться — встретиться с ним лицом к лицу».

Он больше не писал о Марке в третьем лице. Он писал о себе. О том, как он приехал в этот дом. О том, как нашёл дневник. О том, как встретил Веру. О том, как увидел Анну в саду и как она исчезла. О том, как он понял, что петля — это не наказание. Это шанс. Единственный шанс всё исправить. Он описывал каждый свой день с той беспощадной честностью, на которую способен только человек, потерявший всё. Он писал о том, как однажды, за месяц до её смерти, Анна сказала ему: «Ты пишешь свои книги так, будто они важнее жизни. Но жизнь — вот она. Здесь. Сейчас. А ты её не замечаешь». И как он ответил: «Я замечу. Я обязательно замечу. Вот только допишу эту главу». Глава осталась недописанной. Жизнь — незамеченной. Анна умерла, сидя в пассажирском кресле его старой машины, которую он так и не починил. Умерла, потому что он был слишком занят книгой, чтобы отвезти её к врачу. Потому что он думал, что у них ещё есть время. Потому что он был идиотом.

Он писал и плакал. Слезы капали на бумагу, размывая

чернила, но он не останавливался. Он знал: эта исповедь — часть рукописи. Часть петли. Часть искупления. Он должен был пройти через это. Должен был выплеснуть всю боль, которую носил в себе два года. Должен был признаться — себе, бумаге, Анне, — что он виноват. Не в том, что она умерла. В том, что не ценил её, пока она была жива. В том, что откладывал жизнь на потом. В том, что думал, будто слова важнее людей.

На двадцатый день он дописал исповедь. Тридцать страниц, полных боли, раскаяния и странной, неожиданной надежды. Он перечитал их, и ему показалось, что груз, давивший на плечи, стал чуть легче. Не исчез — но уменьшился. Он отложил исповедь в сторону и вернулся к основному сюжету. К Марку. К петле. К другим застрывшим.

Он писал о женщине по имени Ева, которая каждый день хоронит своего восьмилетнего сына. Мальчик попадает под машину ровно в 16:47, и Ева, зная это, пытается предотвратить — не пускает его гулять, запирает дверь, ломает машину соседа, — но каждый раз что-то идёт не так. Мальчик вылезает в окно. Машина miraculously заводится. Сосед оказывается за рулём, даже если Ева связала его и заперла в подвале. Петля неумолима. И Ева сходит с ума — медленно, методично, виток за витком. Но в какой-то момент она понимает: она не может спасти сына, но может побыть с ним. Каждый вечер, в 16:46, она садится рядом с ним на скамейку у дома, берёт его за руку и говорит, что любит его. И мальчик улы-

бается. И уходит. И погибает. Но в эти шестьдесят секунд он знает, что любим. И Ева знает. И этого оказывается достаточно. Не для спасения — для искупления.

Он писал о старике по имени Генрих, который пытается предотвратить аварию на атомной станции, унёсшую жизнь его жены. Генрих был инженером, он знает, где произойдёт сбой, знает, какой клапан нужно перекрыть, какой предохранитель заменить. Но каждый раз, когда он приближается к цели, что-то мешает. То пропуск недействителен. То начальник не подписывает допуск. То сам Генрих опаздывает на автобус. Петля не даёт ему исправить прошлое. Но она даёт ему кое-что другое: время. Тысячи витков, тысячи попыток, и с каждой попыткой он узнаёт что-то новое о себе, о жене, о том, что действительно важно. И в конце концов он перестаёт пытаться спасти станцию. Он просто приходит к жене в тот последний вечер, садится рядом и говорит: «Я люблю тебя. Я всегда тебя любил. Прости, что не говорил этого раньше». И она улыбается — впервые за много лет. И на следующее утро аварии не происходит. Петля размыкается. Не потому что Генрих исправил прошлое. А потому что он наконец сказал то, что должен был сказать.

Он писал о молодом парне по имени Кирилл, который не может решиться позвонить отцу. Отец болен, отец умирает, отец ждёт звонка, но Кирилл каждый раз набирает номер и бросает трубку. Страх сковывает его — страх услышать отцовский голос, страх сказать что-то не то, страх признать-

ся, что он скучает. И петля держит его, пока он не набирается смелости. Когда он наконец звонит, отец не отвечает. Он умирает за минуту до звонка. Петля замыкается. Но Кирилл не сдаётся. Он пробует снова. И снова. И снова. Сотни витков — и каждый раз отец умирает на минуту раньше. Пока однажды Кирилл не набирает номер на минуту раньше. Просто потому что случайно ошибся временем. И отец отвечает. И они говорят — долго, часа два. О жизни, о смерти, о том, что важно. И когда разговор заканчивается, Кирилл кладёт трубку и понимает: петля разомкнулась. Не потому что он спас отца. А потому что он наконец сказал то, что боялся сказать.

Алексей писал эти истории, и с каждой он чувствовал, что сам меняется. Он вкладывал в персонажей частицы себя — свою боль, свой страх, свою надежду. И они возвращали ему сторицей. Через них он проживал то, чего не мог прожить сам. Через них он учился прощать. Себя. Анну. Мироздание.

На двадцать третий день он дописал главу об остальных застрывших. И понял, что все эти люди — Ева, Генрих, Кирилл, — все они не случайны. Все они — грани его собственной души. Его вина. Его невысказанные слова. Его страх. И его надежда.

Он отложил перо. Вышел на крыльцо. Ночь была тихой, звёздной. Впервые за долгое время он не чувствовал гнетущей тяжести. Впервые ему показалось, что он дышит полной грудью. Он стоял и смотрел на небо, и где-то там, среди

холодных огней, ему почудилась улыбка Анны. Он не знал, было ли это видением, порождённым усталостью, или реальным знаком. Но ему было всё равно. Он просто стоял и улыбался в ответ.

А потом он вернулся в дом. Сел за машинку. Вставил новый лист. И написал: «Марк понял, что петля — это не тюрьма. Это школа. И каждый виток — это урок, который нужно выучить. И пока не выучишь — не вырвешься. Но когда ты выучишь все уроки, когда ты применишь свою вину и простишь себя, когда ты скажешь те слова, которые должен был сказать, — петля разомкнётся сама. Потому что ей больше нечему тебя учить». Он дописал главу и откинулся на спинку стула. Тишина окутала дом, как одеяло.

А потом в дверях кабинета появилась Анна. Она стояла, прислонившись к косяку, и смотрела на него с той же тёплой, чуть насмешливой улыбкой, которую он помнил тысячу лет. На ней было то самое платье — синее, в белый горошек, — которое она надевала в их последнюю совместную поездку. От неё пахло лавандой. Она была настоящей. Он знал, что это невозможно. Знал, что петля порождает образы, что его сознание, измученное бессонницей и работой, может выкидывать любые фокусы. Но ему было всё равно. Она была здесь. Живая. Рядом.

— Ты всё-таки дописал, — произнесла она. Голос был точно таким, как он помнил: мягкий, с лёгкой хрипотцой. — Я ждала.

Алексей не мог говорить. Ком подкатил к горлу. Он смотрел на неё — на любимые черты, на светлые волосы, на руки, которые он помнил до последней морщинки, — и чувствовал, как внутри что-то ломается и одновременно встаёт на место.

— Я не дописал, — прошептал он, с трудом выдавливая слова. — Я ещё...

— Допиши, — перебила она. Она подошла ближе, и теперь он мог разглядеть каждую ресничку, каждую веснушку на её щеках. — Допиши, и я останусь. Допиши, и мы уедем отсюда. Как ты обещал. Помнишь?

— Море, — прошептал он. — Солнце. Белый песок.

— Да, — она улыбнулась. — Ты обещал мне это, Алёша. Ты обещал.

— Я помню. — По его щекам текли слёзы. — Я всё помню.

— Тогда допиши. — Она протянула руку и коснулась его щеки. Ладонь была тёплой. Настоящей. От неё пахло лавандой и чем-то ещё — может быть, надеждой. — Допиши свою книгу, и я вернусь. Навсегда. Обещаю.

Он закрыл глаза. Когда открыл — её уже не было. Только лёгкий запах лаванды ещё витал в воздухе. Только на столе, рядом с пишущей машинкой, лежал листок бумаги, исписанный её почерком. Он взял его. «Не останавливайся. Я жду».

Алексей долго сидел, глядя на этот листок. Потом встал. Подошёл к машинке. Вставил новый лист. И начал писать са-

мую важную главу своей жизни — ту, в которой Марк встречает своего создателя. Ту, в которой петля замыкается. Ту, в которой он сам — Алексей, не Марк — должен решить: что для него реальнее? Мир, в котором Анна мертва, или мир, который он может создать своими руками? Мир, где он виноват, или мир, где он прощён?

Он писал до рассвета. Когда первые лучи солнца заглянули в окно, он поставил последнюю точку. Рукопись была закончена. Три тысячи страниц. Сто двенадцать глав. И в каждой — частичка его души.

Он встал из-за стола. Подошёл к окну. На улице шёл дождь. У калитки стояла Анна. Она ждала.

Он улыбнулся, взял рукопись и вышел из дома — навстречу новой реальности. Той, которую он создал сам.

Глава 4. Новая реальность

Алексей перешагнул порог калитки, и мир изменился.

Это было не постепенное, не плавное превращение, к какому он привык за последние недели. Это был мгновенный разрыв — как будто кто-то выдернул старую декорацию и одним движением установил новую. Только что он стоял на заросшей дорожке заброшенного дачного посёлка, под серым небом, в тишине, нарушаемой лишь карканьем ворон. И вот — он на городской улице. Солнечный свет заливает тротуар. Пахнет нагретым асфальтом, тополиным пухом и свежей выпечкой из булочной за углом. Мимо проезжают машины — не те ржавые остовы, что он видел последние недели, а настоящие, блестящие, с приглушённым шумом моторов. Люди спешат по своим делам, и никто не обращает на него внимания.

Анна стояла перед ним — живая, настоящая, в том самом синем платье в белый горошек, которое он помнил тысячу лет. Она держала его за руку, и её ладонь была тёплой. От неё пахло лавандой и чем-то ещё, чему он не мог подобрать названия — может быть, счастьем. Или тем, что он считал счастьем, когда ещё помнил, что это такое.

— Ну что, — произнесла она своим обычным, будничным тоном, каким спрашивала, не забыл ли он купить хлеба, —

ты идёшь? Мы же хотели в парк. Помнишь? Ты обещал.

— Парк, — повторил Алексей. Голос прозвучал хрипло, как будто он не пользовался им несколько месяцев. Хотя, возможно, так оно и было. — Да. Парк. Конечно.

Они пошли по улице, и Алексей вертел головой, пытаясь впитать в себя каждую деталь. Город был знакомым — тот самый Столинск, в котором он прожил последние пятнадцать лет, — но в то же время каким-то... улучшенным. Дома были ярче, деревья зеленее, небо голубее. Как будто кто-то пропустил реальность через фильтр, убирающий всё мрачное, серое, унылое. Даже люди вокруг казались счастливее. Они улыбались. Здоровались друг с другом. Никто не кричал, не ругался, не сигналил в пробках.

— Красивый день, — заметила Анна. — Давно такого не было. Помнишь, в прошлом июле всё время дождало?

— Помню, — ответил он автоматически, хотя на самом деле не помнил. Он вообще не был уверен, что этот «прошлый июль» существовал. Может быть, он сам написал его. Может быть, вся эта реальность — от солнца на небе до муравья, ползущего по трещине в асфальте, — была создана его воображением. Его рукописью. Его искуплением.

Они прошли мимо булочной, и Анна вдруг остановилась.

— Ой, смотри! — Она указала на витрину, где красовались круассаны. — Твои любимые. Давай купим? Устроим пикник в парке. Как раньше.

— Как раньше, — эхом отозвался он.

Они купили круассаны, две бутылки лимонада и отправились в парк. Там, на скамейке под старым дубом, Анна расстелила салфетку и разложила еду. Алексей сидел рядом, смотрел на неё и пытался понять, что он чувствует. Счастье? Да, безусловно. Но к счастью примешивалось что-то ещё. Тревога. Ожидание. Ощущение, что всё это — декорация. Что стоит ему моргнуть, и она исчезнет, как исчезала уже десятки раз. Что этот город, это солнце, эта женщина — всего лишь слова на бумаге. Его слова. Его вымысел.

— Ты какой-то тихий сегодня, — заметила Анна, откусывая круассан. — Всё в порядке?

— Да, — ответил он. — Просто задумался.

— О чём?

— О книге.

Она улыбнулась. Так, как улыбалась всегда, когда он заговаривал о работе — с лёгкой иронией, смешанной с нежностью.

— Ты её дописал?

— Дописал, — ответил он. — Вчера. Или сегодня. Не помню.

— Поздравляю. — Она подняла бутылку лимонада, как бокал. — За твою книгу. За то, что ты наконец-то её закончил.

Они чокнулись бутылками. Алексей отпил лимонад. Он был холодным, сладким, с пузырьками, приятно покалывающими язык. Слишком идеальным. Слишком правильным.

Он вдруг понял, что не помнит вкуса лимонада. Не помнит, какой он должен быть на самом деле. Только тот, который он описал в книге — «холодный, сладкий, с пузырьками». Неужели он разучился чувствовать по-настоящему? Неужели всё, что он теперь ощущает, — это лишь отражение его собственных слов?

После парка они пошли домой. Дом — их общая квартира, которую они купили за год до её смерти — оказался именно таким, каким он его помнил. Те же обои в коридоре. Та же скрипучая половица у двери в спальню. Тот же запах — лаванда, книги, немного пыли. Алексей ходил по комнатам, трогал вещи, и каждая отзывалась в нём эхом воспоминаний. Или не воспоминаний. Или того, что он сам придумал.

В спальне, на тумбочке, стояла фотография. Он и Анна на море. Он — загорелый, улыбающийся. Она — в соломенной шляпе, смеётся, запрокинув голову. Он помнил этот снимок. Но он также помнил, что в «реальной» реальности его не существовало. Они так и не съездили на море. Он всё время откладывал. «Вот допишу книгу — и поедем». И не дописал. И не поехали.

— Откуда это? — спросил он, беря фотографию в руки.

— С нашей последней поездки, — ответила Анна, заглядывая в комнату. — Ты что, не помнишь? Мы ездили в июне. Ты тогда ещё обгорел и ходил красный, как рак.

— Помню, — солгал он. — Просто... забыл на секунду.

Он поставил фотографию на место и подошёл к окну. За окном был двор — типичный двор спального района: детская площадка, лавочки, пара старушек, обсуждающих последние новости. Всё было мирным, обыденным, правильным. И от этой правильности ему становилось не по себе. Потому что в глубине души он знал: так не бывает. Не может быть всё так идеально. Где-то должен быть подвох. Где-то должна быть трещина.

И трещина обнаружилась.

Вечером, когда они ужинали на кухне, Анна вдруг замолчала на полуслове. Она смотрела куда-то в стену, и её взгляд был пустым, отсутствующим. Алексей окликнул её — она не ответила. Он коснулся её руки — она вздрогнула, как будто очнулась ото сна.

— Что случилось? — спросил он.

— Ничего. — Она улыбнулась. — Просто задумалась. Так, ерунда.

Но он заметил. Заметил, как на мгновение её лицо стало таким же, как у тех персонажей, которых он описывал в книге — застрявших в петле, не понимающих, где реальность, а где вымысел. Заметил, как она машинально поправила волосы тем же жестом, который он описал для героини своего романа. Заметил, что она налила чай в чашку, которая не должна была существовать — чашку с отбитой ручкой, которую он выдумал для сцены на кухне. Он точно помнил: в их настоящей квартире такой чашки не было. Он её придумал.

Ночью, когда Анна уснула, он лежал без сна и смотрел в потолок. Рукопись лежала в его сумке — он взял её с собой, когда выходил из дома. Три тысячи страниц. Сто двенадцать глав. И каждая глава — кусочек мира, который теперь окружал его. Он создал этот мир. Он дал ему правила. Но правила, кажется, начинали давать сбои.

На следующий день они пошли в книжный магазин. Алексей хотел проверить одну догадку. Он подошёл к полке с новинками и начал перебирать книги. Романы, детективы, фантастика. Все обложки были яркими, но названия казались ему смутно знакомыми. Он открыл одну книгу — и обомлел. Текст был точь-в-точь как в его романе. Те же фразы, те же описания, те же диалоги. Он открыл другую — то же самое. Третью, четвёртую, десятую. Все книги в магазине были частями его рукописи. Просто разбитыми на тома, с разными обложками, но с одним и тем же содержанием. Его содержанием. Его словами.

— Что-то не так? — спросила Анна, подходя сзади.

— Нет, — ответил он, захлопывая очередную книгу. — Просто... выбор не очень.

— Ты слишком привередлив, — улыбнулась она. — Пойдём лучше мороженого купим.

Они вышли из магазина, и Алексей заметил ещё одну странность. Вывеска над входом гласила «Книжный мирь» — с твёрдым знаком на конце, как в дореволюционной орфографии. Но он готов был поклясться, что час назад, ко-

гда они входили, вывеска была другой — «Книжный мир», без твёрдого знака. Он обернулся, чтобы перепроверить, но вывеска уже снова изменилась. Теперь на ней было написано: «Здесь продаются слова». Анна, кажется, ничего не замечала. Она шла вперёд, насвистывая какую-то мелодию, и Алексей вдруг понял, что эта мелодия — та самая, которую он придумал для своей героини. Он ни разу не слышал её в реальности. Только в своей голове. Только на бумаге.

К вечеру третьего дня он начал замечать ещё больше странностей. Люди на улицах иногда замирали на несколько секунд, как будто кто-то нажимал на паузу. Птицы в небе летели по одним и тем же траекториям, повторяя одни и те же движения. А один раз ему показалось, что он видит край страницы — буквально, физически, как будто реальность была напечатана на гигантском листе бумаги, и этот лист начал загибаться. Он моргнул — видение исчезло. Но ощущение осталось.

За ужином Анна вдруг спросила:

— Ты помнишь нашу первую встречу?

— Конечно, — ответил он, хотя на самом деле не был уверен. Он помнил ту версию, которую описал в книге: кафе, дождь за окном, она забыла зонтик, он предложил проводить. Но была ли эта версия настоящей? Или он просто придумал её, а настоящая стёрлась, заменённая более красивым вариантом?

— Расскажи, — попросила она.

Он начал рассказывать — и понял, что не может остановиться. Слова лились из него, как тогда, за пишущей машинкой. Он описывал дождь, её мокрые волосы, запах кофе, её смех. И по мере того, как он говорил, реальность вокруг них начала меняться. Кухня поплыла. Стены стали полупрозрачными. В воздухе запахло дождём и кофе, хотя за окном был солнечный вечер. Анна смотрела на него расширенными глазами, и в её взгляде был страх.

— Что происходит? — прошептала она.

— Я не знаю, — ответил он. — Но, кажется, я всё ещё пишу.

В этот момент он понял: петля не разомкнулась. Она просто изменила форму. Он не вырвался из неё — он взял её с собой. И теперь весь мир, включая Анну, был частью его рукописи. А он сам — не то автором, не то персонажем, не то чем-то средним. И единственный способ разобраться — продолжать писать. Даже если это означает разрушить всё, что он создал. Даже если это означает потерять Анну снова.

Он подошёл к столу. Достал из сумки рукопись — старую, истрёпанную. Открыл последнюю страницу. Там, где он поставил точку, теперь было продолжение. Написанное его почерком. Которого он не писал. «Алексей понял, что новая реальность — это не дар. Это испытание. И он должен пройти его до конца. Даже если конец означает потерю всего. Потому что настоящая любовь — это не обладание. Настоящая любовь — это умение отпустить».

Он перечитал эти строки трижды. Потом взял ручку и дописал внизу, уже от себя: «И он отпустил. Потому что иначе было нельзя».

Когда он поднял голову, Анны в комнате не было. Только запах лаванды ещё витал в воздухе. Только на столе, рядом с рукописью, лежал листок бумаги, исписанный её почерком. Он взял его. «Я знаю, кто я. Я знаю, что я — всего лишь слова. Но пока ты пишешь, я живу. Не останавливайся. Никогда не останавливайся. Я люблю тебя».

Алексей сложил листок и убрал в карман. Потом сел за стол, открыл рукопись на чистой странице и начал писать новую главу. Потому что это было единственное, что он умел. Потому что это было единственное, что имело значение. Потому что, пока он пишет, она жива. Даже если это всего лишь слова. Даже если это всего лишь вымысел. Для него это было реальнее всего на свете.

Глава 5. Трещины

На четвёртый день новой реальности Алексей проснулся в пустой постели.

Он протянул руку туда, где должна была лежать Анна, и нащупал холодную простыню. Сердце пропустило удар. Он сел, оглядел спальню — знакомую, уютную, с фотографией на тумбочке и кружевными занавесками, — и прислушался. Тишина. Не та живая тишина, наполненная дыханием спящего человека, а мёртвая, вакуумная, какая бывает в заброшенных домах. Он вскочил, набросил халат и выбежал в коридор.

Анна сидела на кухне. Она была в том же синем платье, и её поза была совершенно естественной — локоть на столе, подбородок на ладони, взгляд устремлён в окно. Но она не двигалась. Совсем. Даже не моргала. Алексей замер в дверях, чувствуя, как внутри что-то обрывается. Он уже видел такое — в книжном магазине, на улице, в парке. Люди замирали, как марионетки, у которых обрезали нити. Но то были посторонние. Не она. Только не она.

— Анна, — позвал он тихо.

Никакой реакции.

Он подошёл ближе, коснулся её плеча. Кожа была тёплой, но под пальцами не чувствовалось привычного напряжения

мышц — только мягкая, податливая плоть, как у восковой фигуры. Он сжал плечо сильнее, потом легонько встряхнул.

— Анна! Проснись!

Она вздрогнула всем телом, как человек, которого выдернули из глубокого сна. Глаза сфокусировались на нём, и в них мелькнуло узнавание — а потом страх. Тот самый, животный страх, который он видел вчера вечером, когда реальность поплыла.

— Алёша? — Её голос звучал неуверенно, как будто она не была до конца уверена, что он настоящий. — Что случилось? Я... я на секунду отключилась. Просто задумалась.

— Задумалась, — повторил он. — О чём?

— Не помню. — Она потёрла виски. — Какая-то ерунда. Наверное, просто устала.

Он не стал её разубеждать. Но сам уже знал: это не усталость. Реальность, которую он создал, требовала подпитки. Она не могла существовать сама по себе — только пока он верил в неё, пока он описывал её, пока он держал её в голове. Стоило ему отвлечься, и мир начинал расползаться по швам.

Он сел за стол и достал рукопись. Три тысячи страниц. Сто двенадцать глав. Каждая — кирпичик в фундаменте этого мира. Но фундамент оказался зыбким. Он открыл последнюю страницу — ту, где вчера написал: «И он отпустил. Потому что иначе было нельзя». Ниже, под этими словами, теперь было продолжение. Написанное его почерком. Которого он не писал.

«Но отпустить — не значит забыть. Отпустить — значит продолжать. Каждый день. Каждую минуту. Пока слова не кончатся. Пока сердце бьётся. Пока она жива».

Он перечитал эти строки и понял: кто-то — или что-то — дописывает за ним. Может быть, тот, другой Алексей из другого слоя. Может быть, сама петля. Может быть, его собственное подсознание, которое больше не нуждалось в бодрствующем разуме, чтобы творить. Он взял ручку и дописал внизу, уже от себя: «И он продолжил. Потому что это было единственное, что он умел».

Когда он поднял голову, Анна снова двигалась — резала хлеб, напевала мелодию, которую он придумал для неё. Она не помнила, что только что была куклой. И он решил ей не говорить. Зачем? Реальность, в которой она жива и счастлива, стояла того, чтобы держать её на плаву любыми средствами. Даже ценой самообмана. Даже ценой безумия.

После завтрака он отправился гулять — ему нужно было проверить границы своего мира. Анна хотела пойти с ним, но он мягко отказался, сославшись на то, что хочет побыть один. Она понимающе кивнула. Она всегда понимала. Потому что он написал её такой. Город встретил его всё той же идеальной погодой — солнце, лёгкий ветерок, двадцать три градуса. Но теперь он замечал детали, которые раньше ускользали от внимания. Вывеска над булочной снова изменилась — теперь она гласила «Хлеб и мирь», причём оба слова были с твёрдыми знаками. Витрина книжного магази-

на была заставлена томами, на корешках которых значилось одно и то же название: «Петля». Только имена авторов различались: «Алексей В.», «А. Викторов», «Виктор А.», «А.В.» — бесконечные вариации его собственного имени.

Он шёл по улице и считал трещины. В прямом смысле. На асфальте, на стенах домов, даже на небе — тонкие, едва заметные линии, расходящиеся сеткой. Обычный человек их бы не заметил. Но Алексей не был обычным человеком. Он был автором этого мира. И он видел то, что видел. Трещины пульсировали, как вены на виске. Они расширялись и сужались в такт его дыханию. И он понял: они живые. Они — часть него. Вернее, часть его сомнений. Каждый раз, когда он допускал мысль, что этот мир — иллюзия, трещины становились шире. Каждый раз, когда он верил в реальность Анны, они сужались. Его вера буквально скрепляла ткань бытия. И его неверие разрушало её.

Он дошёл до парка, где они вчера сидели на скамейке. Скамейка была на месте. Но дуб, под которым они устроили пикник, выглядел иначе. Его кора была испещрена символами — теми самыми, которые Алексей использовал в своей рукописи для обозначения магических печатей. Он провёл пальцем по одному из символов, и тот засветился. Мягко, едва заметно, но достаточно, чтобы он понял: это не просто дерево. Это портал. Или якорь. Или и то, и другое. Он отдёнул руку, и свечение погасло.

В этот момент он услышал звук. Низкий, вибрирующий

гул, похожий на стон гигантского существа. Звук шёл откуда-то из-под земли. Или с неба. Или отовсюду сразу. Прохожие на улице никак не реагировали — они шли, улыбались, покупали мороженое. Они не слышали. Только он. Только автор.

Он пошёл на звук. Тот привёл его к зданию, которого он раньше не замечал, — массивному, сложенному из серого камня, с узкими окнами-бойницами и тяжёлой дубовой дверью. Над входом висела вывеска: «Библиотека». Просто «Библиотека». Без твёрдого знака, без вычурностей. Он толкнул дверь, и она подалась.

Внутри было темно и пахло старой бумагой — тот самый запах, который он безуспешно пытался описать в своей книге. Запах, который не поддавался словам. Стеллажи уходили в бесконечность — он не видел, где они заканчиваются. Книги, тысячи, десятки тысяч книг, заполняли полки. Он подошёл к ближайшему стеллажу и вытащил первый попавшийся том. Открыл. Его собственный текст. Глава третья, сцена в парке. Он вытащил другой — глава седьмая, сцена в подвале. Третий, четвёртый, десятый — все книги были частями его рукописи. Но были и отличия. В одной из версий Анна ушла от него в самом начале. В другой — он умирал вместо неё. В третьей — они оба погибали в автокатастрофе. В четвёртой — он вообще не был писателем, а работал инженером на заводе. Это были не просто копии. Это были черновики. Варианты реальности, которые он обдумывал и отверг. Кто-

то — или что-то — сохранил их все.

— Ты тоже это видишь? — раздался голос за спиной.

Алексей обернулся. Перед ним стоял человек. Высокий, худой, с тёмными кругами под глазами и седыми висками. Он был одет в точно такой же халат, какой Алексей носил в своём кабинете. И лицо — это было его собственное лицо, только старше лет на десять. Или на сто.

— Кто ты? — спросил Алексей, хотя уже знал ответ.

— Я — ты, — ответил человек. — Вернее, один из тебя. Тот, который застрял здесь раньше. Тот, который не смог дописать.

— Не смог? Почему?

— Потому что испугался. — Человек усмехнулся. — Как и ты сейчас. Ты думаешь, что контролируешь реальность. Что ты — автор. Но это не так. Мы все — персонажи. Просто кто-то из нас об этом знает, а кто-то — нет.

Алексей покачал головой.

— Я создал этот мир. Я написал его.

— Ты написал одну из версий, — поправил двойник. — Но были и другие. Тот, кто написал меня, думал, что он — единственный автор. Он тоже сидел в кабинете, пил кофе и стучал по клавишам. А потом он понял, что его самого кто-то пишет. И тогда он сломался. Перестал верить в реальность. И реальность перестала верить в него.

— Где он сейчас?

— Здесь. — Двойник обвёл рукой бесконечные стеллажи.

— Библиотека — это кладбище недописанных миров. Каждый том — это реальность, которую автор не довёл до конца. Мы все здесь — тени. Эхо. Персонажи без авторов. Мы ждём, когда кто-нибудь нас допишет.

Алексей присел на корточки, пытаясь унять дрожь в коленях. Он смотрел на бесконечные ряды книг и думал о том, сколько же их здесь — застрявших, брошенных, забытых. И каждый том — это чья-то боль, чья-то любовь, чья-то попытка всё исправить. Его передёрнуло, когда он представил, что мог бы оказаться среди них. Что его рукопись могла бы стоять на этой полке — недописанная, мёртвая.

— И много вас здесь? — спросил он.

— Столько же, сколько звёзд на небе, — ответил двойник.

— Каждый раз, когда автор бросает рукопись, здесь появляется новый том. Каждый раз, когда он умирает, не дописав, — новый автор. Мы — бесконечная петля внутри петли.

— Я не брошу, — сказал Алексей. — Я допишу.

— Все так говорят, — вздохнул двойник. — Но рано или поздно приходит момент, когда слова заканчиваются. Когда ты понимаешь, что твоя Анна — всего лишь набор букв. Что её улыбка — это описание улыбки. Что её смех — это «она рассмеялась». И тогда ты спрашиваешь себя: а стоит ли продолжать? А не лучше ли просто закрыть рукопись и уйти?

— И что ты ответил?

— Я не смог ответить. — Двойник опустил голову. — Я застрял здесь. И теперь я — часть этой библиотеки. Я — ещё

один том на полке.

Алексей долго молчал. Потом повернулся и пошёл к выходу. Двойник не стал его удерживать — только тихо сказал вслед:

— Когда поймёшь, что не можешь идти дальше, возвращайся. Здесь всегда найдётся место для ещё одной книги.

Алексей вышел из библиотеки. Солнце слепило глаза. Город был таким же ярким и приветливым, как и вчера. Но теперь он видел его иначе — как карточный домик, который держится только на честном слове. На его слове. Он вернулся домой. Анна ждала его на пороге.

— Ты где был? Я волновалась! — В её голосе звучала неподдельная тревога. И на мгновение он забыл, что она — персонаж. Просто обнял её. Просто вдохнул запах лаванды. Просто поверил.

Вечером, когда она уснула, он сел за стол. Достал рукопись. Открыл чистую страницу. И написал то, что вы сейчас читаете. Потому что, пока он пишет, она жива. Даже если это всего лишь слова. Даже если это всего лишь вымысел. Для него это было реальнее всего на свете. И пока его сердце бьётся, он будет писать. Потому что где-то в этой бесконечной петле, среди тысяч недописанных миров, есть тот, где Анна жива. И он найдёт его. Чего бы это ни стоило.

Глава 6. Голоса

Алексей больше не мог игнорировать трещины. Они стали частью его повседневности, как утренний кофе или скрип половиц в коридоре. Он просыпался и первым делом смотрел на стену — расширилась ли та тонкая линия, что вчера змеилась от угла к потолку. Расширялась. Медленно, но верно. Как будто сам мир был старым холстом, натянутым на подрамник, и невидимая рука медленно, миллиметр за миллиметром, растягивала его, пока ткань не лопнет.

Но самым страшным были не трещины. Самым страшным были голоса.

Они появились на пятый день — сначала едва слышные, как шум далёкого прибоя. Алексей списывал их на усталость, на переутомление, на последствия бессонных ночей. Но шум становился громче. Он начал различать слова. Вернее, обрывки слов, обрывки фраз, обрывки чьих-то жизней. «...не успел...», «...прости меня...», «...ещё один виток...», «...я не могу больше...», «...пожалуйста, хватит...».

Голоса звучали в стенах. В полу. В потолке. В воздухе, который дрожал, как раскалённый асфальт в полдень. Они не были угрожающими — скорее, жалобными. Умоляющими. Это были голоса тех, кто застрял здесь до него. Тех, кто не смог дописать. Тех, чьи книги стояли на полках Библиотеки

— недописанные, брошенные, забытые. Теперь они зывали к нему. Не как к спасителю — как к единственному слушателю.

Анна ничего не слышала. Она жила своей обычной жизнью: ходила в магазин, готовила ужин, читала на диване, свернувшись калачиком. Иногда она замирала — на секунду, на две, — и Алексей задерживал дыхание, ожидая, что она снова превратится в статую. Но она возвращалась. Моргала. Улыбалась. Спрашивала, не хочет ли он чаю. И он выдыхал. И говорил: «Да, конечно». И делал вид, что всё в порядке.

Но всё было не в порядке. В доме появились новые детали, которых он не писал. На кухонном столе, рядом с солонкой, однажды утром оказалась старая фотография, которую он никогда не видел: Анна, совсем юная, стоит на берегу моря и смеётся. На обороте — её почерком: «Это было настоящее. Я помню». Алексей долго держал фотографию в руках, пытаясь понять, что она означает. Было ли это посланием от Анны — настоящей Анны, той, что существовала до петли? Или это очередная иллюзия, порождённая его желанием верить? Или это голоса добрались до реальности и начали оставлять в ней свои следы?

Другая деталь обнаружилась в ванной. Зеркало. Он точно помнил, что в этом доме не было зеркал. Он проверял. Но теперь оно висело на стене — большое, овальное, в резной деревянной раме. Он подошёл к нему и увидел своё отражение. И не только своё. За его плечом, в глубине зеркала, сто-

яли люди. Десятки людей. Мужчины, женщины, старики, дети. Все смотрели на него. Все молчали. Все ждали. Он резко обернулся — никого. Снова посмотрел в зеркало — они всё ещё там. Он протянул руку к стеклу, и оно пошло рябью, как вода от брошенного камня. Люди в зеркале зашевелились, зашептали — и он слышал их голоса, те самые, что преследовали его последние дни.

«Ты должен дописать». «Не останавливайся». «Ради неё». «Ради нас». «Ради себя».

Он отдернул руку. Зеркало замерло. Отражение снова стало обычным — только он, уставший, небритый, с красными от недосыпа глазами. И Анна, стоящая в дверях ванной.

— Что ты там увидел? — спросила она.

— Ничего, — ответил он. — Просто показалось.

Она кивнула, как будто этого объяснения было достаточно. Может быть, для неё — персонажа, созданного его воображением, — этого действительно было достаточно. Но для него — нет. Он должен был понять. Должен был найти ответ. И единственным местом, где можно было найти ответы, была Библиотека.

Он снова отправился туда — на этот раз один, не сказав Анне. Она всё равно бы не поняла. Или поняла бы слишком хорошо. Он шёл по городу, который казался всё более зыбким. Улицы меняли свои очертания, дома перестраивались на глазах, вывески переписывались сами собой. Прохожие больше не выглядели счастливыми. Они выглядели потерян-

ными. Они бродили бесцельно, как автоматы, и в их глазах он видел то же выражение, что и у людей в зеркале. Ожидание. Надежду. Отчаяние.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.